

Рождественские
рассказы
зарубежных
писателей

Ганс Христиан Андерсен

Чарльз Диккенс

Ги де Мопассан

Сельма Лагерлёф

Артур Конан Дойль

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Оскар Уайльд

Рождественские рассказы

зарубежных писателей

Серия «Рождество приходит к нам»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67967354

Рождественские рассказы зарубежных писателей: РИПОЛ классик;

Москва; 2021

ISBN 978-5-386-10328-6

Аннотация

Когда мороз рисует на окнах волшебные узоры, на дорожках загадочно блестит снег, а улицы наряжаются в яркие гирлянды, люди празднуют самые светлые и чудесные праздники –

Рождество и Новый год. В эти дни особенно хочется порадовать родных и близких приятными подарками!

Войдите в мир волшебства, добра и рождественских историй, держа в руках эту книгу, полную прекрасных произведений знаменитых зарубежных писателей!

Содержание

С.О.Л. Лагерлеф	8
Легенды о Христе	9
Святая ночь	9
Видение императора	16
Колодец мудрецов	24
Вифлеемский младенец	35
Э.Т.А. Гофман	57
Щелкунчик и Мышиный король	58
Сочельник	58
Подарки	62
Любимец	66
Чудеса	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Рождественские рассказы зарубежных писателей

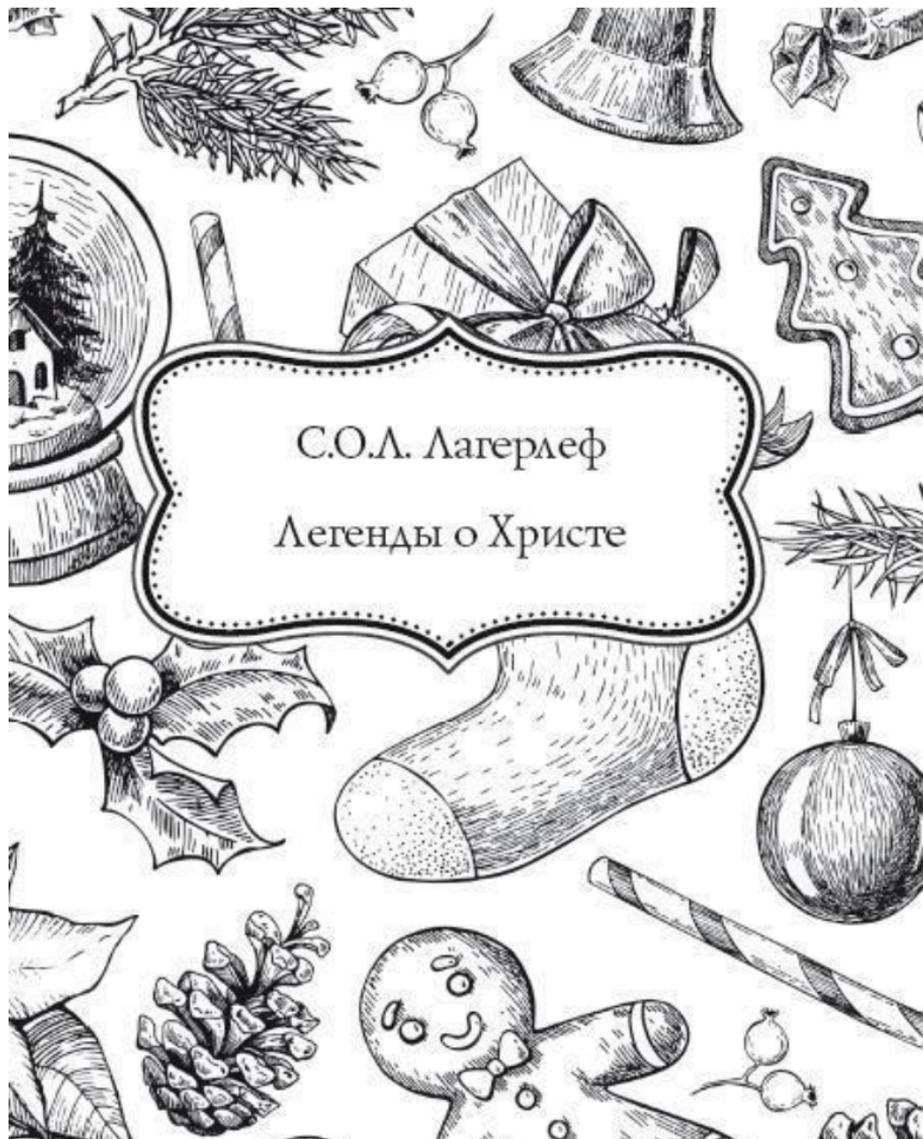
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
РАССКАЗЫ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

РИПОЛ
КЛАССИК

С.О.Л. Лагерлеф

С.О.Л. Лагерлеф
Легенды о Христе

Легенды о Христе (Перевод В. Спасской)

Святая ночь

Когда мне было пять лет, меня постигло очень большое горе. Более сильного я, кажется, с тех пор и не знала: умерла моя бабушка. До самой своей кончины она проводила дни, сидя в своей комнате на угловом диване и рассказывая нам сказки.

Бабушка рассказывала их с утра до вечера, а мы, дети, тихо сидели возле нее и слушали. Чудесная это была жизнь! Никаким другим детям не жилось так хорошо, как нам.

Лишь немного сохранилось у меня в памяти о моей бабушке. Помню, что у нее были красивые, белые как снег во-

лосы, что она ходила совсем сторбившись и постоянно вязала чулок.

Помню еще, что, кончив рассказывать какую-нибудь сказку, она обыкновенно опускала свою руку мне на голову и говорила:

– И все это такая же правда, как то, что мы сейчас видим друг друга.

Помню я и то, что она умела петь чудесные песни, но пела она их не часто. В одной из этих песен речь шла о рыцаре и о морской царевне, и у нее был припев: «Ветер холодный-холодный над морем подул».

Помню еще короткую молитву и псалом, которым она меня научила.

Обо всех сказках, которые она мне рассказывала, у меня осталось лишь бледное, смутное воспоминание. Только одну из них я помню так хорошо, что могла бы пересказать ее и сейчас. Это маленькая легенда о Рождестве Христовом.

Вот почти все, что я могу припомнить о своей бабушке, кроме того, что я помню лучше всего, – ощущение великой утраты, когда она покинула нас.

Я помню то утро, когда диван в углу оказался пустым, и было невозможно представить, когда же кончится этот день. Этого я не забуду никогда.

И помню я, как нас, детей, подвели к усопшей, чтоб мы простились с ней и поцеловали ее руку. Мы боялись целовать покойницу, но кто-то сказал нам, что ведь это послед-

ний раз, когда мы можем поблагодарить бабушку за все радости, которые она нам доставляла.

И я помню, как сказки и песни вместе с бабушкой уехали из нашего дома, уложенные в длинный черный ящик, и никогда больше не возвращались.

Что-то ушло тогда из жизни. Точно навсегда заперли дверь в широкий, прекрасный, волшебный мир, в котором мы прежде свободно бродили. И никого не нашлось, кто сумел бы отпереть эту дверь.

Мы постепенно научились играть в куклы и игрушки и жить так, как все другие дети, и могло показаться, что мы больше не тоскуем о бабушке и не вспоминаем о ней.

Но даже и в эту минуту, спустя много лет, когда я сижу и вспоминаю все слышанные мною легенды о Христе, в моей памяти встает сказание о Рождестве Христовом, которое любила рассказывать бабушка. И теперь мне хочется самой рассказать его, включив в мой сборник.

Это было в Рождественский сочельник, когда все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Мы были, кажется, одни во всем доме. Нас не взяли, потому что одна из нас была слишком мала, другая слишком стара. И обе мы горевали о том, что не можем побывать на торжественной службе и увидеть сияние рождественских свечей.

И когда мы сидели с ней в одиночестве, бабушка начала свой рассказ.

– Когда-то в глухую, темную ночь один человек вышел на

улицу, чтобы раздобыть огня. Он переходил от хижинки к хижине, стучась в двери, и просил: «Помогите мне, добрые люди! Моя жена только что родила ребенка, и мне надо развести огонь, чтобы согреть ее и младенца».

Но была глубокая ночь, и все люди спали. Никто не откликнулся на его просьбу.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец он заметил вдали мерцающее пламя. Он направился к нему и увидел, что это костер, разведенный в поле. Множество белых овец спало вокруг костра, а старый пастух сидел и стерег свое стадо.

Когда человек приблизился к овцам, он увидел, что у ног пастуха лежат и дремлют три собаки. При его приближении все три проснулись и оскалили свои широкие пасти, точно собираясь залаять, но не издали ни единого звука. Он видел, как шерсть дыбом поднялась у них на спине, как их острые, белые зубы ослепительно засверкали в свете костра и как все они кинулись на него. Он почувствовал, что одна схватила его за ногу, другая – за руку, третья вцепилась ему в горло. Но крепкие зубы словно бы не повиновались собакам, и, не причинив ему ни малейшего вреда, они отошли в сторону.

Человек хотел пойти дальше. Но овцы лежали так тесно прижавшись друг к другу, спина к спине, что он не мог пробраться между ними. Тогда он прямо по их спинам пошел вперед, к костру. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась...

До сих пор бабушка вела рассказ не останавливаясь, но тут я не могла удержаться, чтобы ее не перебить.

– Отчего же, бабушка, они продолжали спокойно лежать? Ведь они так пугливы? – спросила я.

– Это ты скоро узнаешь, – сказала бабушка и продолжала свое повествование: – Когда человек подошел достаточно близко к огню, пастух поднял голову. Это был угрюмый старик, грубый и неприветливый со всеми. И когда он увидел, что к нему приближается незнакомец, он схватил длинный, остроконечный посох, с которым всегда ходил за стадом, и бросил в него. И посох со свистом полетел прямо в незнакомца, но, не ударив его, отклонился в сторону и пролетел мимо, на другой конец поля.

Когда бабушка дошла до этого места, я снова прервала ее:

– Отчего же посох не попал в этого человека?

Но бабушка ничего не ответила мне и продолжала свой рассказ:

– Человек подошел тогда к пастуху и сказал ему: «Друг, помоги мне, дай мне огня! Моя жена только что родила ребенка, и мне надо развести огонь, чтобы согреть ее и младенца!».

Старик предпочел бы ответить отказом, но, когда он вспомнил, что собаки не смогли укусить этого человека, овцы не разбежались от него и посох, не задев его, пролетел мимо, ему стало не по себе, и он не посмел отказать ему в просьбе.

«Бери, сколько тебе нужно!» – сказал пастух.

Но костер уже почти догорел, и вокруг не осталось больше ни поленьев, ни сучьев, лежала только большая куча жару; у незнакомца же не было ни лопаты, ни совка, чтобы взять себе красных угольков.

Увидев это, пастух снова предложил: «Бери, сколько тебе нужно!» – и радовался при мысли, что человек не может унести с собой огня.

Но тот наклонился, выбрал себе горстку углей голыми руками и положил их в полу своей одежды. И угли не обожгли ему рук, когда он брал их, и не прожгли его одежды; он понес их, словно это были яблоки или орехи...

Тут я в третий раз перебила рассказчицу:

– Бабушка, отчего угольки не обожгли его?

– Потом все узнаешь, – сказала бабушка и стала рассказывать дальше: – Когда злой и сердитый пастух увидел все это, он очень удивился: «Что это за ночь такая, в которую собаки кротки, как овечки, овцы не ведают страха, посох не убивает и огонь не жжет?» Он окликнул незнакомца и спросил его: «Что это за ночь такая? И отчего все животные и вещи так милостивы к тебе?» «Я не могу тебе этого объяснить, раз ты сам этого не видишь!» – ответил незнакомец и пошел своей дорогой, чтобы поскорее развести огонь и согреть свою жену и младенца.

Пастух решил не терять этого человека из виду, пока ему не станет ясно, что все это значит. Он встал и пошел сле-

дом за ним до самого его обиталища. И пастух увидел, что у незнакомца нет даже хижины для жилья, что жена его и новорожденный младенец лежат в горной пещере, где нет ничего, кроме холодных каменных стен.

Пастух подумал, что бедный невинный младенец может насмерть замерзнуть в этой пещере, и, хотя он был суровым человеком, он растрогался до глубины души и решил помочь малютке. Сняв с плеч свою котомку, он вынул оттуда мягкую белую овчину и отдал ее незнакомцу, чтобы тот уложил на нее младенца.

И в тот самый миг, когда оказалось, что и он тоже может быть милосерден, глаза его открылись, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что вокруг него стоят плотным кольцом ангелочки с серебряными крылышками. И каждый из них держит в руках арфу, и все они поют громкими голосами о том, что в эту ночь родился Спаситель, который искупит мир от греха.

Тогда пастух понял, почему все в природе так радовалось в эту ночь и никто не мог причинить зла отцу ребенка.

Оглянувшись, пастух увидел, что ангелы были повсюду. Они сидели в пещере, спускались с горы и летали в поднебесье; они проходили по дороге и, минуя пещеру, останавливались и бросали взоры на младенца. И повсюду царили ликование, радость, пение и веселье...

Все это пастух увидел среди ночной тьмы, в которой раньше ничего не мог разглядеть. И он, обрадовавшись, что глаза его открылись, упал на колени и стал благодарить Бога... – При этих словах бабушка вздохнула и сказала: – Но то, что видел пастух, мы тоже могли бы увидеть, потому что ангелы летают в поднебесье каждую Рождественскую ночь. Если бы мы только умели смотреть!.. – И, положив мне руку на голову, бабушка прибавила: – Запомни это, потому что это такая же правда, как то, что мы видим друг друга. Дело не в свечах и лампадах, не в солнце и луне, а в том, чтобы иметь очи, которые могли бы видеть величие Господа!

Видение императора

Это случилось в то время, когда Август был императором в Риме, а Ирод – царем в Иудее.

И вот однажды на землю спустилась великая и святая ночь. Такой темной ночи никто еще никогда не видел. Невозможно было отличить воду от суши; и даже на самой знакомой дороге нельзя было не заблудиться. Да иначе и быть не могло, ведь с неба не падало ни одного лучика. Все звезды оставались дома, в своих жилищах, и ласковая луна не показывала своего лика.

И столь же глубокими, как мрак, были безмолвие и тишина этой ночи. Реки остановились в своем течении, не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка, листья осины пе-

рестали дрожать. Морские волны не бились больше о берег, а песок пустыни не хрустел под ногами у путника. Все окаменело, все стало недвижимо, чтобы не нарушать тишины святой ночи. Трава приостановила свой рост, роса не пала, цветы не источали свой аромат.

В эту ночь хищные звери не вышли на охоту, змеи затаились в своих гнездах, собаки не лаяли. Но самое чудесное заключалось в том, что и неодушевленные предметы хранили святость этой ночи, не желая содействовать злу: отмычки не отпирали замков, нож не мог пролить чью-то кровь.

В эту самую ночь несколько людей вышли из императорского дворца на Палатинском холме в Риме и направились через Форум к Капитолию. Незадолго перед тем, на закате дня, сенаторы спросили императора, не возражает ли он против их намерения воздвигнуть ему храм на священной горе Рима. Но Август не сразу дал свое согласие. Он не знал, будет ли угодно богам, если рядом с их храмом будет выситься храм, сооруженный в его честь, и потому решил принести жертву своему духу-покровителю, чтобы узнать волю богов. Теперь в сопровождении нескольких приближенных он и отправился совершить это жертвоприношение.

Августа несли на носилках, потому что он был стар и подняться по высоким лестницам Капитолия уже не смог бы. В руках он держал клетку с голубями, которых намеревался принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни солдат, ни сенаторов; его окружали только самые близкие друзья.

Факельщики шли впереди, как бы прокладывая путь среди ночного мрака, а сзади следовали рабы, несшие алтарь-треугольник, ножи, священный огонь и все, что требовалось для жертвоприношения. Император весело беседовал дорогой со своими приближенными, и потому никто из них не заметил беспредельного безмолвия и тишины ночи. Только когда они поднялись к Капитолию и достигли места, предназначенного для сооружения храма, им стало ясно, что происходит нечто необычайное.

Эта ночь, несомненно, была не похожа на все другие ночи еще и потому, что на краю скалы император и его свита увидели какое-то странное существо. Сначала они приняли его за старый, искривленный ствол оливкового дерева, затем им показалось, что на скалу вышло древнее каменное изваяние из храма Юпитера. Наконец они поняли, что это была старая Сибилла.

Никогда еще им не приходилось видеть такого старого, побуревшего от непогоды и времени, гигантского существа. Эта старуха наводила ужас. Не будь здесь императора, все бы разбежалось по домам и попряталось в свои постели.

– Это та, – шептали они друг другу, – которой столько же лет, сколько песчинок на берегу ее отчизны. Зачем вышла она именно в эту ночь из своей пещеры? Что предвещает императору и империи эта женщина, выводящая свои пророчества на листьях деревьев, чтобы ветер затем отнес их по назначению?

Страх перед Сибиллой был так велик, что, сделай она хоть малейшее движение, люди тотчас же пали бы ниц и приникли челом к земле. Но она сидела неподвижно, как изваяние. Согнувшись на самом краю скалы и полуприкрыв глаза руками, всматривалась она в ночную тьму. Казалось, она взобралась на холм, чтобы лучше рассмотреть нечто, происходящее бесконечно далеко. Значит, она могла что-то видеть даже в такую темную ночь!

Только теперь император и вся его свита заметили, как густ был ночной мрак. Ничего не было видно даже на расстоянии вытянутой руки. И какая тишина, какое безмолвие! Даже глухой рокот Тибра не долетал до их слуха. Они задыхались от неподвижного воздуха, холодный пот выступил у них на лбу, руки оцепенели и висели бессильно. Они чувствовали, что должно совершиться нечто ужасное. Однако никто из свиты не хотел обнаружить своего страха, все говорили императору, что это счастливое знамение: вся вселенная затаила дыхание, чтобы поклониться новому богу.

Они убеждали Августа поспешить с жертвоприношением.
– Возможно, что древняя Сибилла, – говорили они, – для того и покинула свою пещеру, чтобы приветствовать императора.

В действительности же внимание Сибиллы было поглощено совсем другим. Не замечая ни Августа, ни его свиты, она мысленно перенеслась в далекую страну. И чудилось ей, будто бредет она по обширной равнине. В темноте натывается

она на какие-то кочки. Но нет, это не кочки, а овцы. Она блуждает среди огромного стада спящих овец. Вот она заметила костер. Он горит среди поля, и она пробирается к нему. Возле костра спят пастухи, а подле них лежат длинные, заостренные посохи, которыми они обычно защищают стадо от хищных зверей. Но что это? Сибилла видит, как стайка шакалов тихонько подкрадывается к огню. А между тем пастухи не защищают свое стадо, собаки продолжают мирно спать, овцы не разбегаются, и шакалы спокойно ложатся рядом с людьми.

Вот какую странную картину наблюдала сейчас Сибилла, но ничего не знала она о том, что происходит позади нее, на вершине горы. Она не знала, что там воздвигли жертвенник, развели огонь, насыпали курения и император вынул из клетки одного голубя, чтобы принести его в жертву. Но руки его вдруг так ослабели, что не могли удержать птицу. Одним легким взмахом крыльев голубь вырвался на свободу и, высоко взлетев, исчез в ночной тьме.

Когда это случилось, царедворцы подозрительно взглянули на древнюю Сибиллу. Они подумали, что это она все подстроила.

Могли ли они знать, что Сибилле по-прежнему чудилось, будто она стоит у костра пастухов и прислушивается к нежной музыке, тихо звучащей среди безмолвной ночи? Сибилла услышала ее задолго до того, когда наконец поняла, что музыка доносится не с земли, а с неба. Она подняла голову

и увидела, как по небу скользят светлые, лучезарные создания. Это были небольшие хоры ангелов. Казалось, они что-то ищут, тихонько напевая свои сладкозвучные гимны.

Пока Сибилла внимала ангельским песням, император снова готовился принести жертву. Он омыл руки, вычистил жертвенник и велел подать другого голубя. Но хотя на этот раз он изо всех сил старался удержать птицу, гладкое тельце выскользнуло из его руки, и голубь взвился к небу и скрылся в непроглядном мраке.

Императора охватил ужас. Он пал на колени перед пустым жертвенником и стал молиться своему духу-покровителю. Он просил его отвратить бедствия, которые, видимо, предвещала эта ночь.

Но и это прошло для Сибиллы незамеченным. Она вся была поглощена пением ангелов, которое становилось все сильней и сильней. Наконец оно стало таким громким, что разбудило пастухов. Приподнявшись, глядели они, как светозарные сонмы серебристых ангелов длинными, трепетными вереницами, подобно перелетным птицам, прорезали ночную тьму. У одних в руках были лютни и гусли, у других цитры и арфы, и пение их звенело так же радостно, как детский смех, и так же беспечно, как щебетание жаворонков. Услышав это, пастухи встали и поспешили в город, где они жили, чтобы рассказать там об этом чуде.

Пастухи взбирались по тесной, извилистой тропинке, и древняя Сибилла следила за ними. Внезапно гора озарилась

светом. Как раз над нею зажглась большая, яркая звезда, и, как серебро, заблестал в ее сиянии городок на вершине горы. Все сонмы носившихся в воздухе ангелов устремились туда с ликующими кликами, и пастухи ускорили шаги, так что уже почти бежали. Достигнув города, они увидели, что ангелы собрались над низкими яслями близ городских ворот. Это было жалкое строение с соломенной крышей, прилепившееся к скале. Над ним-то и сияла звезда, и сюда стекалось все больше и больше ангелов. Одни садились на соломенную кровлю или опускались на отвесную скалу за ним; другие, раскинув крылья, реяли в воздухе. И от их лучезарных крыльев весь воздух светился ярким светом.

В тот самый миг, как над городком зажглась звезда, вся природа пробудилась, и люди, стоявшие на высотах Капитолия, не могли не заметить этого. Они почувствовали, как свежий, ласкающий ветерок пронесся в воздухе, как потоки благоуханий разлились вокруг них. Деревья зашелестели, Тибр зарокотал, засияли звезды, и луна поднялась внезапно на небе и осветила мир. А с облаков вспорхнули два голубя и сели на плечи императору.

Когда произошло это чудо, Август поднялся в горделивой радости, друзья же его и рабы бросились на колени.

– Ave Caesar!¹ – воскликнули они. – Твой дух ответил тебе. Ты тот бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия.

---

¹ Да здравствует Цезарь! (лат.)

И восторженные крики, которыми свита славила императора, были такими громкими, что дошли наконец до слуха старой Сибиллы и отвлекли ее от видений. Она поднялась со своего места на краю скалы и направилась к людям. Казалось, темная туча поднялась из бездны и понеслась на горную вершину. Сибилла была ужасна в своей старости: спутанные волосы висели вокруг ее головы жидкими космами, суставы рук и ног были вздуты, потемневшая кожа, покрывавшая тело неисчислимыми морщинами, напоминала древесную кору.

Могучая и грозная, подошла она к императору. Одной рукой она коснулась его плеча, другой указала ему на далекий восток.

– Взгляни! – повелела она, и император последовал ее приказу.

Пространство открылось перед его взором, и они проникли в дальнюю восточную страну. И он увидел убогий хлев под крутым утесом и в открытых дверях несколько коленопреклоненных пастухов. В пещере же увидел он юную мать, стоявшую на коленях перед новорожденным младенцем, который лежал на связке соломы на полу.

И своими большими, узловатыми пальцами Сибилла указала на этого бедного младенца.

– Ave Caesar! – воскликнула она с язвительным смехом. – Вот тот Бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия!

Тогда Август отшатнулся от нее, как от безумной. Но мощный дух предвидения снизошел на Сибиллу. Ее тусклые глаза загорелись, руки простерлись к небу, голос изменился, точно он принадлежал не ей; в нем появилась такая звучность и сила, что его можно было бы слышать по всей вселенной. И она произнесла слова, которые, казалось, прочитала в небесах:

– На Капитолии будут поклоняться обновителю мира, будь он Христом или Антихристом, но не рожденным из праха.

Сказав это, она прошла мимо пораженных ужасом людей, медленно спустилась с вершины горы и исчезла.

На следующий день Август строго запретил сооружать ему памятник на Капитолии. Взамен его он воздвиг там святилище в честь новорожденного Бога-младенца и назвал его Алтарь Неба – Ara coelli.

Колодец мудрецов

Стояло лето. По Древней Иудее, по завядшим кустам терновника и по желтой от зноя траве ходила Засуха, угрюмая, с ввалившимися глазами.

Солнце обжигало горы, лишённые тени; малейший ветерок поднимал с земли густые облака известковой пыли; стада толпились в долинах у иссякших ручьев.

Засуха ходила и осматривала запасы воды. Она направи-

лась к прудам Соломона и с досадой увидела, что еще много воды заключают они в своих скалистых берегах. Затем она спустилась к знаменитому колодцу Давида, близ Вифлеема, и там тоже нашла еще воду. Оттуда она медленно поплелась по большой проезжей дороге, ведущей из Вифлеема в Иерусалим.

Пройдя около половины пути, она увидела Колодец Мудрецов, вырытый у самого края дороги, и тотчас же заметила, что он вот-вот иссякнет. Засуха присела на сруб колодца, состоящий из одного цельного, большого, выдолбленного камня, и заглянула в его глубину. Светлое водное зеркало, обыкновенно видневшееся близ самого отверстия, опустилось глубоко вниз, и тина и ил со дна загрязнили и замутили его.

Когда колодец увидел в своем тусклом зеркале загорелое лицо Засухи, на дне его послышался жалобный всплеск.

– Желала бы я знать, когда же тебе придет конец! – сказала Засуха. – Ведь под землей не осталось ни одного ручейка, который мог бы просочиться и дать тебе новую жизнь. А дождя, слава богу, жди не раньше чем через два-три месяца.

– Можешь быть спокойна, – тяжело вздохнул колодец. – Мне уже никто не поможет. Разве что райский ключ забьет вдруг со дна моего.

– Ну, так я не оставлю тебя, пока все не будет кончено, – сказала Засуха.

Она видела, что старому колодцу осталось недолго жить, и

хотела насладиться тем, как жизнь будет покидать его капля за каплей.

Она уселась поудобней на сруб и с радостью стала прислушиваться к горестным вздохам колодца в глубине. Большое удовольствие испытывала она, видя, как жаждущие странники подходят к колодцу, опускают в него свои ведра и вытаскивают со дна лишь несколько капель смешанной с тиной воды.

Так прошел весь день, и, когда стало смеркаться, Засуха снова заглянула в колодец. Внизу еще блестело немножко воды.

– Я здесь останусь на всю ночь! – крикнула она. – Можешь не торопиться! Когда совсем рассветет и я смогу снова заглянуть в тебя, на дне уже не будет ни капли.

Засуха прикорнула на крыше колодца.

А на Иудею тем временем сошла душная ночь, еще более жестокая и мучительная, чем знойный день. Собаки и шакалы выли, не переставая, им вторили томимые жаждой ослы и коровы. Редкие порывы ветра не приносили прохлады, сам ветер был горяч и удушлив, как жаркое дыхание огромного спящего чудовища.

Но звезды сверкали волшебно, как никогда, и маленький, блестящий серп молодого месяца заливал серые холмы чудным, зеленовато-голубым светом. И в этом сиянии Засуха увидела длинный караван, приближавшийся к холму, где находился Колодец Мудрецов.

Засуха смотрела на караван и с наслаждением представляла, сколько томимых жаждой людей приближается к колодцу. И не найдут они здесь ни одной капли воды, чтобы напиться. Караван был столь велик, что вполне мог бы вычерпать все содержимое колодца, если б даже он был доверху полон воды. Но вдруг Засухе показалось, что в этом караване, путешествующем в ночи, есть что-то необычное, таинственное. Все верблюды появились перед ней на вершине холма, отвесно вздымавшегося над горизонтом, как-то внезапно, точно спустились с неба. Они казались крупней обыкновенных верблюдов и слишком уж легко несли свой большой груз.

В то же время не было сомнения в том, что и верблюды, и люди были настоящие, живые: ведь она видела их совершенно ясно. Засуха могла даже разглядеть, что трое передних верблюдов были дромадеры с серой, лоснящейся шерстью. На них была богатая упряжь, они были покрыты дорогими коврами, и всадниками их были красивые и знатные вельможи.

Весь караван остановился у колодца; дромадеры с резкими криками опустили на землю, и всадники сошли с них. Вьючные верблюды остались стоять, к ним подходили остальные, и скоро они образовали бесконечную вереницу высоких шей и горбов и причудливо нагроможденных вьюков.

Три всадника, ехавшие на дромадерах, подошли к Засухе

и приветствовали ее, приложив руку ко лбу и к сердцу. Она увидела, что на них были ослепительно-белые одеяния, а их огромные белоснежные чалмы венчали звезды, сиявшие таким ярким блеском, точно их сняли прямо с неба.

– Мы прибыли из дальней страны, – сказал один из чужеземцев, – и хотим спросить у тебя, действительно ли это Колодец Мудрецов?

– Так он назывался еще сегодня, – ответила Засуха, – но завтра здесь больше не будет колодца. Он должен умереть в эту ночь.

– Об этом можно догадаться, увидев тебя здесь, – сказал чужеземец. – Но разве это не один из тех священных колодцев, которые никогда не могут иссякнуть? Иначе зачем бы ему носить это имя?

– Я знаю, он священен, – сказала Засуха, – но что из того? Ведь все три мудреца, давшие ему это название, давно в раю. Путешественники переглянулись.

– Ты действительно знаешь историю этого древнего колодца? – спросили они.

– Я знаю историю всех колодцев и источников, всех ручьев и родников на свете, – гордо ответила Засуха.

– Так окажи нам милость, расскажи нам о священном Колодце Мудрецов! – попросили чужеземцы.

И они уселись кружком возле Засухи, стародавнего врага всего живущего на земле, и стали слушать.

Засуха откашлялась, поудобнее устроилась на своем вы-

соком сиденье и приступила к повествованию.

– В Габесе, мидийском городе, лежащем у самой пустыни и поэтому часто служившем мне желанным приютом, жили много-много лет тому назад три человека, славившиеся своей мудростью. В то же время они были очень бедны – странное, казалось бы, обстоятельство, ибо в Габесе знание было в большом почете и щедро оплачивалось. Но эти люди и не могли ожидать ничего иного, ибо один из них был очень стар, другой поражен проказой, третий же был черный толстогубый негр. Первого люди считали выжившим из ума стариком, второго избегали из боязни заразиться; речам же третьего они не хотели внимать, потому что были уверены, что никогда еще мудрость не являлась к ним из Эфиопии.

Между тем общее несчастье объединило трех мудрецов. Днем они просили милостыню у одних и тех же ворот храма, ночью спали на одной и той же кровле. Таким образом они и коротали время, рассказывая друг другу обо всем чудесном, что им приходилось видеть в своей жизни.

Однажды ночью, когда они спали рядышком на крыше, густо заросшей красным, душистым маком, самый старый из них проснулся и, едва открыв глаза, принялся будить своих товарищей. «Хвала нашей бедности, принуждающей нас спать на открытом воздухе! – сказал он им. – Проснитесь и поднимите взоры к небу!» Что и говорить, – продолжала Засуха, смягчив немного голос. – Это была такая ночь, что забыть ее никому не возможно. Было так светло, что небо,

похожее обычно на твердый свод, казалось глубоким и прозрачным, как море. Свет вздымался в нем приливами и отливами, а звезды, казалось, плавали на различной глубине, одни в самых волнах света, другие на их поверхности.

Но вдруг из самой глубины неба показалось какое-то темное пятно. И это пятно стало стремительно приближаться. Приближаясь, оно светлело, но светлело так, как светлеют розы – да повелит им всем Господь Бог увянуть! – когда они распускаются. Пятно делалось все крупнее, темная оболочка его постепенно расходилась, и ярко засветились ее первые четыре лепестка.

Наконец, поравнявшись с самой близкой из звезд, это пятно, светящееся изнутри, остановилось.

Краешки темной оболочки совсем отогнулись в стороны, и из середины стали разворачиваться один за другим лепестки дивно-лучезарного, розоватого светила, перед которым побледнели все звезды небосклона.

Когда бедняки увидели это, их мудрость подсказала им, что в этот час родился на земле царь, который превзойдет своим могуществом и славой царя Кира и Александра Македонского. И они сказали друг другу: «Пойдем к родителям новорожденного и скажем им, что мы видели! Может статься, что мы получим от них в награду кошелек с червонцами или золотое запястье».

Мудрецы взяли свои длинные дорожные посохи и отправились в путь. Они прошли через город и вышли к город-

ским воротам, но тут остановились в нерешительности, ибо перед ними расстилалась великая – сухая и восхитительная – пустыня, которой люди так страшатся. И тогда они увидели, что новая звезда отбросила на песок пустыни узкую полоску света, как бы манившую их за собой, и, исполнившись надежды, они двинулись вперед за путеводной звездой.

Всю ночь шли они по бесконечной пустыне, беседуя о новорожденном царе, которого, конечно, найдут в золотой колыбели играющим драгоценными камнями. И ночь пролетела незаметно в беседах о том, как предстанут они пред царем, отцом новорожденного, и пред его матерью-царицей и как поведают им о небесном знамении, предрекающем их сыну силу и могущество, красоту и счастье, какими не обладал царь Соломон...

Они гордились тем, что Бог избрал именно их и им дал увидеть рождественскую звезду. Они говорили себе, что родители новорожденного должны дать им в награду по меньшей мере двадцать кошельков с золотом, а может быть, и столько, что им никогда уже больше не придется знать нужду и лишения... Я, как лев, подстерегающий добычу, лежала в пустыне, – пояснила свой рассказ Засуха, – и собиралась обрушиться на этих путников всеми пытками жажды, но они ускользнули от меня. Звезда вела их всю ночь; утром же, когда небо посветлело и все другие звезды померкли, она настойчиво продолжала гореть и сиять над пустыней, пока не привела путников к оазису, где они нашли родник и деревья

со спелыми плодами. Там они отдыхали весь день и двинулись далее лишь к ночи, когда снова увидели свет звезды, озаряющий собой пески пустыни.

Звезда не только вела, но и охраняла мудрецов от голода и жажды. Ни колючие кустарники, ни глубокие зыбучие пески, ни жгучее солнце, ни знойные пустынные бури не причиняли путникам вреда. И мудрецы понимали это. «Бог хранит нас и благословляет наше странствие. Мы его послы», – говорили они. Но и я не теряла времени зря, – усмехалась Засуха, – мало-помалу я все же прибрала их к рукам и завладела их сердцами. И они превратились в такую же мертвую пустыню, как та, по которой они шли. Они преисполнились бесплодной гордостью и опустошающей алчностью.

«Мы Божьи послы, – все чаще твердили мудрецы, – и если отец новорожденного подарит нам целый караван, груженный золотом, это, пожалуй, будет нелишним».

Наконец звезда привела их к реке Иордану и заставила подняться на холмы Иудейской страны. И однажды ночью она остановилась перед городком Вифлеемом, огни которого сверкали среди оливковых деревьев на одном из горных склонов.

Мудрецы стали озираться и искать, где же здесь дворцы, укрепленные башни, каменные стены и все, чему подобает быть в царской столице, но ничего такого не увидели. Хуже того: сияние звезды привело их вовсе не в город, оно остановилось на краю дороги, перед какой-то жалкой пещерой.

Кроткий свет звезды озарил ее, и три странника увидели младенца, которого мать баюкала у себя на коленях.

Но хотя мудрецы ясно видели, как сияние звезды словно венцом окружило головку младенца, они остались стоять перед входом в пещеру. Они не вошли в нее, чтобы предсказать малютке славу и царскую власть, а повернули назад, ничем не выдав своего присутствия, и спустились вниз с холма.

«Неужели мы шли к нищим, столь же ничтожным и бедным, как мы сами? – говорили они. – Разве для того вел нас сюда Господь Бог, чтобы мы предрекли сыну пастуха величие и славу? Этот ребенок всю свою жизнь будет пасти свое овечье стадо. Вот какой будет его судьба».

Засуха умолкла и покачала головой. Всем своим видом она как бы хотела сказать: «Не правда ли, на свете нет ничего бесплоднее, чем человеческое сердце!»

– Мудрецы недалеко ушли от того места, – продолжила Засуха свой рассказ, – когда им пришлось в голову, что, возможно, они заблудились, сбились с пути, указанного им звездой. Они подняли глаза, чтобы снова найти по звезде истинный путь. Но оказалось, что звезда, за которой они следовали с востока, исчезла с небесного свода.

Трое чужеземцев вздрогнули при этих словах, их лица выражали глубокое страдание.

– И тут случилось нечто, – продолжала рассказчица, – по мнению людей, в высшей мере радостное. Когда мудрецы увидели, что на небе нет больше звезды, они тотчас же поня-

ли, что согрешили пред Богом. И с ними сделалось то же, что делается с землей в осеннюю пору, когда начинаются сильные дожди. Они задрожали от ужаса, как земля содрогается от ударов молнии и раскатов грома, сердца их смягчились, смирение пробилось в их сердца, как пробивается весной зеленая травка.

Три дня и три ночи бродили они по стране, чтобы отыскать младенца, которому должны были поклониться. Но звезда не показывалась им; они все больше и больше сбивались с пути, и все сильнее охватывали их величайшая скорбь и отчаяние. На третью ночь они подошли к этому вот колодцу, чтобы утолить жажду. И тогда Бог сжалился над ними и простил им их грех. Наклонившись над водой, они увидели глубоко внизу отражение звезды, приведшей их с востока.

Тотчас же увидели они ее и на небе, и звезда снова привела их к Вифлеемской пещере. Там они преклонили колени пред младенцем и сказали: «Мы приносим тебе золотые чаши, полные ладана и драгоценных благовоний. Ты будешь величайшим из царей, когда-либо правивших на земле от самого ее сотворения и до кончины мира».

Младенец положил свою ручку на их склоненные головы, и, когда они поднялись, оказалось, что он наделил их дарами, какими самый могущественный царь не мог бы одарить своих подданных. Ибо нищий старик обратился в цветущего юношу, прокаженный очистился, а негр стал прекрасным белолицым мужчиной. И говорят, что по возвращении на ро-

дину они сделались царями, каждый в своей стране.

Засуха кончила свое повествование, и три чужеземца похвалили ее рассказ.

– Ты хорошо все рассказала, – говорили они.

– Но не странно, – сказал один из чужеземцев, – что эти три мудреца ничего не сделали для колодца, показавшего им звезду? Неужели они совершенно забыли о таком благодеянии?

– Не должен ли этот колодец, – поддержал его другой чужеземец, – постоянно оставаться на своем месте для напоминания людям о том, что счастье, утраченное на вершинах горы, можно вновь обрести в глубинах смирения?

– Неужели умершие хуже живущих? – сказал третий из них. – Разве благодарность умирает в сердцах тех, кто обитает в раю?

Когда они произнесли это, Засуха с воплем соскочила с колодца. Она узнала чужеземцев; она поняла, кто эти путешественники, и, как безумная, бросилась прочь, чтобы не видеть, как три мудреца подозвали своих слуг и подвели к колодцу своих верблюдов, нагруженных мехами, и бедный, умирающий колодец наполнили водой, привезенной ими из рая...

Вифлеемский младенец

В Вифлееме у городских ворот стоял на часах римский во-

ин. На нем были латы и шлем; короткий меч висел у его пояса, а в руке он держал длинное копье. Целый день стоял он почти недвижимо, так что издали его можно было принять за железную статую. Горожане входили в ворота и выходили из них, нищие усаживались в тени под их сводами; продавцы фруктов и вина ставили рядом с воином свои корзины и бочонки, но он и головы не поворачивал, чтобы взглянуть на них.

«Что можно здесь увидеть? – как будто хотел он сказать. – Какое мне дело до этих торговцев и прочей человеческой мелюзги! Я хотел бы увидеть войско, готовое идти на врага! Ничто так не веселит мой взор, как картины войны. Я томлюсь по гулу медных труб, по блеску оружия, по кровавым следам победоносной битвы». Сразу же за городскими воротами начиналось великолепное поле, все заросшее белыми лилиями. Воин стоял здесь каждый день и мог постоянно любоваться их нежной красотой, но ему и в голову не приходило хоть раз обратить на них внимание. Порой он замечал, что прохожие останавливаются и любуются лилиями, и тогда он изумлялся тому, что они тратят свое время на такие ничтожные вещи.

«Эти люди, – думал он, – не знают того, что действительно прекрасно».

И, думая так, он переносился мечтами в раскаленную пустыню знойной Ливии. Он видел легион солдат, выступающий длинной шеренгой по желтому песку, поглощавшему

все следы. Нигде ни малейшей тени, чтоб укрыться от солнечных лучей, ни источника, чтоб утолить жажду. Пустыне не видно конца, солдаты, изнуренные жаждой и голодом, едва держатся на ногах. Они падают один за другим, словно сраженные палящим солнечным зноем. Но несмотря на все, войско упорно идет вперед, среди воинов нет предателей и дезертиров.

«Вот что прекрасно! – заключил про себя воин. – Вот что достойно внимания храброго мужа...»

Вокруг солдата играли дети, но и с ними было то же, что и с цветами. Дети не привлекали его сурового взора. «Чему тут радоваться? – думал он, когда видел, что люди улыбаются, глядя на детскую игру. – Странно, какие пустяки могут доставлять им удовольствие».

Однажды, когда воин, как обычно, стоял у городских ворот на своем посту, он увидел маленького мальчика, лет трех от роду, прибежавшего поиграть на луг. Это был ребенок из бедной семьи, и играл он совсем один. Солдат стоял и невольно следил за этим мальчиком.

Первое, что бросилось ему в глаза, было то, как легко малыш бегал по лугу, точно носился по верхушкам травинок. Но, присмотревшись к его играм, воин еще более изумился. «Клянусь своим мечом, – подумал он про себя, – этот ребенок играет совсем не так, как другие дети! Чем это он занимается?»

Вот мальчик протянул ручку, чтоб поймать пчелу, сидев-

шую в цветке и до того отягощенную цветочным нектаром, что она была уже не в силах улететь. К великому удивлению воина, пчела далась мальчику в руки, не пытаясь от него ускользнуть и не пуская в ход своего жала. Держа ее на ладошке, мальчик побежал к городской стене, в расщелине которой целый рой пчел устроил себе улей, и посадил ее туда. Оказав таким образом помощь одной пчеле, он тотчас же поспешил помочь другой. Весь день солдат наблюдал, как ребенок ловил пчел и помогал им вернуться в улей.

«Глупее этого мальчика я, право же, никого не видел, – думал про себя воин. – Зачем помогать пчелам, которые могут отлично сами о себе позаботиться, да вдобавок, того и гляди, ужалят его? Каким же он станет глупцом, когда вырастет!»

Малыш приходил на луг каждый день, а воин невольно продолжал удивляться ему и его играм. «Не странно ли это? – думал он. – Я уже целых три года стою на посту у этих ворот, и ничто так не привлекало моего внимания, как этот ребенок».

Но малыш возбуждал в воине далеко не радостные чувства. Наоборот, глядя на него, воин вспоминал страшные слова древнего иудейского пророка о том времени, когда на земле воцарится мир. Целое тысячелетие люди не будут проливать крови, не будут вести войн, а будут любить друг друга, как братья. Когда воин думал, что столь ужасное предсказание может осуществиться, дрожь пробегала по его телу, и,

как бы ища опоры, он крепче сжимал свое копьё.

И чем больше воин наблюдал за ребенком и за его играми, тем чаще думал он о царстве тысячелетнего мира. Конечно, он не боялся, что это царство наступит скоро, но ему не хотелось даже думать о том далеком будущем, которое может отнять у воинов шум и радость битвы.

Однажды, когда мальчик играл среди цветов на зеленом лугу, сильный дождь с шумом хлынул из тучи. Заметив, какие крупные и тяжелые капли падают на нежные лилии, малыш, по-видимому, встревожился за судьбу своих прелестных подруг. Он подбежал к самой крупной и самой прекрасной из них и пригнул к земле жесткий стебель, поддерживавший цветы, так что дождевые капли стали падать на нижнюю сторону венчиков. И, сделав так с одним цветком, он тотчас же поспешил к другому и таким же точно образом согнул его стебель, чтоб повернуть цветочные венчики к земле. А затем к третьему и четвертому, пока все цветы на лугу не были защищены от сильного дождя.

Воин смеялся про себя, следя за возней мальчика с цветами. «Боюсь, что лилии не будут ему благодарны за это, – думал он. – Все цветы, конечно, поломаны. Нельзя так сгибать эти жесткие стебли».

Но когда ливень наконец прекратился, воин увидел, что малютка бежит от одной лилии к другой и приподнимает их. К неописуемому изумлению солдата, ребенок выпрямлял жесткие стебли без малейшего труда, и ни один из них

не был сломан или поврежден, так что вскоре все спасенные лилии поднялись как ни в чем не бывало.

Когда воин увидел это, им овладели необъяснимый гнев и досада. «Что это за ребенок? – говорил он себе. – Что за бессмыслицу он придумал? Какой же мужчина выйдет из этого глупца, если он жалеет какие-то никчемные лилии? Что же он будет делать, если его пошлют на войну? Что сделает он, если ему прикажут поджечь дом с женщинами и детьми или пустить ко дну корабль, на котором вышел в море целый отряд?»

Снова пришло ему на память древнее пророчество, и он начал опасаться, что уже близится время, когда оно сможет осуществиться. Раз мог появиться на свет такой ребенок, значит, и это ужасное время не за горами. Если все люди отныне будут такими же, как этот ребенок, они не смогут навредить друг другу – они не решатся погубить пчелу или цветок. Не будет больше великих подвигов, не будет славных побед, и ни один блистательный триумфатор не поднимется уже на Капитолий. И в мире не будет ничего, о чем мог бы мечтать храбрец.

И солдат, грезивший о новых войнах и мечтавший своими подвигами добиться власти и богатства, почувствовал такое раздражение против этого трехлетнего малыша, что, когда тот пробежал мимо, погрозил ему копьем.

Однажды стоял особенно жаркий день. Солнечные лучи, падая на шлем и на латы воина, превратили их в огнен-

ные доспехи. Глаза его налились кровью, губы пересохли, но привыкший стойко выдерживать палящий зной африканских пустынь солдат мужественно переносил страдания, и ему и в голову не приходило оставить свой пост. Ему было даже приятно показать прохожим, как он силен и вынослив.

Когда он так стоял в карауле, чуть не сторажившись в этом пекле, мальчик вдруг подошел к нему. Он прекрасно знал, что солдат его недолюбливает, и обыкновенно держался на почтительном расстоянии от его копья, но теперь он все-таки приблизился к нему, долго и пристально смотрел на него и затем бросился бегом по дороге. Скоро он вернулся. Обе ручки его были сложены в виде чашечки, в ней он нес немного воды.

«Неужели этому ребенку пришло в голову бежать за водой для меня? – подумал солдат. – Какая глупость! Римскому ли легионеру не вынести легкого зноя! Зачем этому малышу лезть со своей помощью к тем, кто вовсе в ней не нуждается? Не хочу я его милосердия. Я желал бы, чтобы мир избавился от него и от всех ему подобных».

Мальчик шел очень тихо, крепко сжимая пальчики, чтоб не расплескать и не пролить ни капли. Подходя к солдату, он не спускал глаз с воды, которую нес, а потому и не видел, что тот стоит, сердито нахмутив лоб и враждебно глядя на него.

Наконец мальчик остановился перед солдатом и, улыбувшись, протянул ему пригоршню с водой.

Но солдат не желал принимать благодеяние от этого ре-

бенка, которого считал своим врагом. Он не глядел на его прелестное личико и продолжал стоять, суровый и неподвижный, делая вид, что не замечает намерений малыша.

Ребенок все так же доверчиво улыбался. Он встал на цыпочки и поднял ручки так высоко, как только мог, чтоброслому солдату легче было напиться.

Легионер почувствовал такое унижение при одной мысли, что ему хочет помочь слабый ребенок, что он даже замахнулся на мальчика копьем. Но тут жара сделалась такой невыносимой, что красные круги пошли у солдата перед глазами, и он почувствовал, что теряет сознание. Он ужаснулся, что может умереть от солнечного удара, и, вне себя от страха, бросил копье на землю, схватил обеими руками ребенка, приподнял его и выпил воду из его пригоршни.

Лишь несколько капель попало ему на язык, но больше ему и не было нужно. Как только он отведал воды, сладостная прохлада пробежала по его телу, он не чувствовал больше, что шлем и латы сжигают его. Лучи солнца утратили свою смертоносную силу. Пересохшие губы его снова сделались мягкими, и красные круги перестали пламенеть перед его глазами.

Едва успев опомниться, он спустил ребенка на землю, и тот снова побежал играть на лугу. Только теперь солдат пришел в себя и подумал: «Что за воду этот ребенок принес мне? Это поистине чудодейственный напиток. Мне бы следовало сказать малышу спасибо».

Но он так ненавидел мальчика, что отогнал от себя эту мысль.

Он даже еще больше вознегодовал на ребенка, когда спустя несколько минут увидел в воротах начальника римских войск, стоявших в Вифлееме. «Подумать только, – мелькнуло у него в голове, – какой опасности я подвергался из-за дерзкой выдумки этого мальчишки! Если бы Вольтигий пришел одной только секундой раньше, он застал бы меня на посту с ребенком на руках».

А начальник пришел сообщить солдату важную государственную тайну.

– Ты ведь знаешь, – сказал начальник, отведя солдата в сторону, чтобы их никто не услышал, – что царь Ирод уже много раз пытался найти одного ребенка, живущего здесь, в Вифлееме. Пророки и первосвященники предсказали царю, что этот мальчик унаследует его престол и положит начало тысячелетнему царству святости и мира. Поэтому Ироду очень хотелось бы избавиться от этого ребенка.

– Я понимаю, – с жаром откликнулся воин, – но ведь нет ничего проще, чем схватить этого мальчишку.

– Это было бы легко, – сказал военачальник, – если б только царь знал, к которому из всех младенцев Вифлеема относится это предсказание.

Лоб воина прорезали глубокие морщины.

– Жаль, – огорчился он, – что прорицатели не могут дать ему точных указаний.

– Но теперь царь Ирод придумал хитрость, при помощи которой рассчитывает обезопасить себя от малолетнего соперника, – продолжал военачальник. – Он обещает щедро одарить всякого, кто поможет ему в этом деле.

– Все, что прикажет Вольтигий, будет исполнено без ожидания награды или оплаты, – отчеканил солдат.

– Тогда слушай, что задумал царь. В день рождения своего младшего сына Ирод устраивает праздник, на который будут приглашены вместе со своими матерями все вифлеемские мальчики в возрасте от двух до трех лет. И на этом празднике... – Тут Вольтигий оборвал свою речь и долго шептал что-то солдату на ухо, а когда закончил, прибавил уже громко: – Мне, конечно, не надо говорить тебе, что ты ни словом не смеешь обмолвиться об услышанном.

– Ты знаешь, Вольтигий, что ты можешь на меня положиться, – ответил солдат.

Когда начальник удалился и воин снова остался один на своем посту, он стал искать глазами ребенка. Тот по-прежнему играл среди цветов – легко и красиво, как мотылек. Вдруг воин рассмеялся.

«Этому ребенку осталось недолго мозолить мне глаза. Он тоже будет приглашен сегодня вечером к Ироду на праздник».

Воин оставался на карауле, пока не настал вечер и не пришло время запирать городские ворота на ночь.

Тогда он направился узкими и темными улицами к рос-

кошному дворцу Ирода в Вифлееме.

Внутри этого громадного дворца был большой мощный двор, окруженный тремя открытыми галереями. На верхней из них царь и распорядился устроить праздник для вифлеемских детей. Эта галерея по повелению царя превращена была в чудесный сад.

По крыше вились виноградные лозы, с которых свешивались тяжелые, спелые гроздья, вдоль стен и колонн стояли маленькие гранатовые и апельсиновые деревья, ветви которых сгибались от тяжести плодов. Полы были усыпаны лепестками роз, образовавшими густой и мягкий ковер, а по балюстрадам, по карнизам крыши, по столам и низким скамейкам вились гирлянды ослепительно белых лилий.

Среди этой рощи прятались мраморные бассейны, в прозрачной воде которых играли золотые и серебряные рыбки. По деревьям порхали разноцветные заморские птицы, а в клетке каркал без умолку старый ворон.

К началу праздника в галерею стали собираться гости. При самом входе во дворец малюток наряжали в белые одежды с пурпурной каймой, а на их тем-нокудрые головки надевали венки из роз. Женщины величественно выступали в своих алых и голубых одеждах, в белых покрывалах, спускавшихся с высоких, остроконечных головных уборов, украшенных золотыми монетами и цепочками. Одни несли детей на плече, другие вели их за руку, а самых маленьких и робких матери держали на руках.

Женщины опустились на пол посреди галереи. Как только они уселись, явились рабы и расставили перед ними низенькие столики с изысканными яствами и напитками, как это принято на царских пиршествах, и все эти счастливые матери начали есть и пить, сохраняя горделивое достоинство, составляющее главную прелесть вифлеемских женщин.

Вдоль самых стен галереи, почти скрытые гирляндами цветов, были выстроены в два ряда воины в полном вооружении. Они стояли совершенно неподвижно, как будто им не было никакого дела до того, что происходит вокруг. Конечно, женщин не могло не удивлять полчище одетых в железо людей.

– К чему они тут? – шептали они друг другу. – Неужели Ирод воображает, что мы не умеем прилично вести себя? Или он думает, что для наблюдения за нами нужно такое множество воинов?

Но другие шептали в ответ, что таков обычай, что вооруженные легионеры несут свой караул, чтобы выказать особый почет гостям царя Ирода.

В первые минуты праздника малыютки были застенчивы и неуверенны; притихнув, они жались к матерям. Но скоро они оживились и потянулись ко всем чудесам, приготовленным для них Иродом.

Сказочную страну создал царь для своих маленьких гостей. Проходя по галерее, они находили улы, и ни одна сердитая пчелка не мешала детям забирать оттуда мед. Им по-

падались деревья, склонявшие к ним свои отягченные плодами ветви. В одном уголке они нашли чародеев, в один миг наполнивших их карманы игрушками, а в другом – укротителя диких зверей, показавшего им двух тигров, таких ручных, что дети могли на них кататься верхом.

Однако в этом раю со всеми его чудесами ничто не привлекало такого внимания детей, как длинный ряд воинов, стоявших неподвижно вдоль стен галереи. Их блестящие шлемы, их строгие, гордые лица, их короткие мечи, вложенные в богато украшенные ножны, приковывали к себе взоры мальчиков.

Играя и шая, малыши не переставали следить за воинами. Они еще держались на почтительном расстоянии от них, но страстно хотели подойти к ним поближе, чтоб посмотреть, живые ли это люди и могут ли они двигаться.

Игры и праздничное веселье делались с каждой минутой все оживленнее, но солдаты стояли все так же неподвижно. Малышам казалось невероятным, чтоб люди могли стоять так близко от виноградных гроздьев и всех других лакомств и совсем этим не интересоваться.

Но вот один из детей оказался не в силах сдержать свое любопытство. Готовый каждую секунду обратиться в бегство, он приблизился к одной из закованных в латы фигур. Солдат оставался по-прежнему неподвижным. Тогда мальчик подошел к нему еще ближе и наконец очутился так близко от него, что мог потрогать его одежду и ремни его санда-

лий.

И вдруг, как будто это прикосновение ребенка было неслыханным преступлением, все железные статуи сразу ожили. В неопишемом бешенстве накинулись они на детей и стали хватать их. Одни размахивали ими над головой и сбрасывали через перила галереи вниз, где дети находили себе смерть, ударяясь о мраморные плиты. Другие обнажали мечи и пронзали ими сердца малышей, третьи разбивали им головки о стены, а потом швыряли их на объятый ночью двор.

В первую минуту после нападения наступила мертвая тишина. Женщины окаменели от ужаса.

Но уже в следующий миг эти несчастные поняли, что произошло, и с диким воплем отчаяния бросились на воинов-палачей.

Вверху, на галерее, еще оставалось несколько детей, которых не схватили при первом натиске. Солдаты погнались за ними, а матери бросались на колени перед извергами и голыми руками ловили их обнаженные мечи, чтоб отвратить смертельный удар. Некоторые женщины, дети которых были уже бездыханны, бросались на воинов, хватали их за горло и пытались задушить их, чтобы отомстить за своих малюток.

Среди этого дикого смятения и жесточайшего кровопролития солдат, державший обыкновенно караул у городских ворот, стоял совершенно неподвижно у начала лестницы, ведущей вниз с галереи. Он не принимал участия в нападении

и в убийствах; он поднимал свой меч только на тех женщин, которые, прижав к себе уцелевших детей, пытались спастись бегством, – и один его вид, мрачный и непреклонный, вселял в них такой страх, что они кидались вниз через перила или поворачивали назад. «Вольтигий был прав, назначив меня на этот пост, – думал солдат. – Какой-нибудь молодой, легкомысленный воин покинул бы свое место и вмешался бы в общую свалку. Поддайся я соблазну и уйди отсюда, по меньшей мере дюжина детей ускользнула бы от расправы».

Вдруг его внимание привлекла молодая женщина, которая, прижав к себе своего ребенка, стремительно приближалась к нему.

Ни один из легионеров, которых она миновала, не успел ее остановить, занятый другими жертвами, и таким образом ей удалось добежать до самого конца галереи.

«Одна все-таки чуть было не спаслась! – подумал воин. – Ни она, ни ребенок пока не ранены. И если бы не я...»

Женщина так быстро бежала навстречу солдату, что казалось, будто она летит на крыльях, и он не успел разглядеть ни ее лица, ни ребенка. Он только направил на них свой меч, и с ребенком на руках она устремилась прямо на него. Воин ожидал, что в следующий же миг и она, и ее дитя, насквозь пронзенные, упадут на землю.

Но в эту минуту он вдруг услышал над своей головой злобное жужжание и тотчас же почувствовал сильную боль в глазу. Эта боль была такой нестерпимой, что совершенно оше-

ломила его, и меч выпал из его рук.

Он схватился рукой за глаз, поймал пчелу и понял, что это она причинила ему столь ужасное страдание. Мгновенно нагнулся за мечом, надеясь, что еще сможет остановить беглецов.

Но маленькая пчелка прекрасно сделала свое дело. За несколько коротких мгновений молодая мать сбежала по лестнице, и, хотя он бросился вдогонку, ему не удалось схватить ее. Она исчезла.

* * *

На следующее утро все тот же воин стоял на карауле у самых городских ворот. Было еще рано, и тяжелые ворота только что открыли. Но казалось, никто не ожидал, что ворота откроют в это утро, – все жители Вифлеема словно оцепенели от ужаса после ночной кровавой бойни, и никто не решался выйти из дому.

«Клянусь своим мечом! – сказал солдат, пристально вглядываясь в узкую улочку, ведущую к воротам. – Вольтигий распорядился неразумно. Лучше было бы оставить ворота на запоре и обыскать все дома в городе, пока не был бы найден мальчик, которому удалось ускользнуть живым с праздника. Вольтигий думает, что родители постараются увезти его из города, как только узнают, что ворота открыты, и он надеется перехватить их здесь. Но боюсь, что это неверный расчет.

Ведь ребенка можно легко спрятать!»

И он старался угадать, попытаются ли родители спрятать ребенка в корзине с фруктами или в каком-нибудь громадном кувшине для масла или провезут его в караване среди тюков.

Обдумывая, как его попытаются перехитрить, воин вдруг увидел мужчину и женщину, торопливо приближающихся к воротам. Остерегаясь опасности, они боязливо озирались по сторонам. Мужчина нес в руках топор и держал его так крепко, точно решил с его помощью проложить себе путь, если кто-нибудь вздумает остановить его.

Но внимание воина привлекла женщина. Ее высокая фигура напомнила ему молодую мать, ускользнувшую от него накануне. Он заметил также, что она перекинула через плечо край своей накидки. Быть может, она сделала это, чтобы скрыть под одеждой своего ребенка?

Чем ближе они подходили, тем отчетливей становился виден ребенок, которого женщина несла под одеждой. «Я уверен, что это именно она спаслась вчера, сбежав по лестнице, – думал солдат. – Я не видел ее лица, но я узнаю ее высокую фигуру. И вот она идет с ребенком на руках, даже не пытаясь как следует его спрятать. Я даже не смел надеяться на такой счастливый случай!»

Мужчина и женщина уже подошли к воротам. Они, очевидно, не ожидали, что их здесь остановят, и вздрогнули от испуга, когда воин заградил им путь своим копьём.

– Почему ты не даешь нам выйти на работу в поле? – спросил мужчина.

– Сейчас пройдешь, – сказал солдат, – но сначала я проверю, что прячет твоя жена под своим покрывалом.

– Чего же тут смотреть? – возразил мужчина. – Это всего лишь хлеб и вино нам на пропитание.

– Может быть, ты и правду говоришь, – сказал солдат. – Но почему же твоя жена отворачивается и не хочет показать их мне?

– Я не хочу, чтобы ты нас обыскивал, – сказал мужчина. – И советую тебе нас пропустить.

С этими словами он занес над головой свой топор, но женщина тронула его за руку.

– Успокойся! – взмолилась она. – Я покажу ему свою ношу и уверена, что он не причинит нам никакого зла.

И с гордой и доверчивой улыбкой женщина обернулась к солдату и отвернула край своей одежды.

* * *

Несколько дней спустя воин медленно ехал ужасной каменной пустыней, расположенной в южной части Иудеи. Он все еще продолжал преследовать трех вифлеемских беглецов и был вне себя оттого, что его поискам, похоже, не видно конца.

– Да они как сквозь землю провалились, – ворчал он про

себя. – Сколько раз я уже был так близко от них, что готовился бросить в ребенка камнем, и они снова от меня ускользали! Я начинаю думать, что мне никогда не удастся их нагнать.

И легионер стал уже терять мужество, как человек, который борется с чем-то, что выше его сил. Ему начинало казаться, что сами боги защищали от него этих людей.

«Все это напрасный труд. Лучше бы мне вернуться, пока я еще не погиб от голода и жажды в этой дикой стране!» – все чаще говорил он себе.

Но и возвращение не сулило ему ничего хорошего. Ведь он уже два раза упустил младенца. А этого царь Ирод ему не простит.

«Пока Ирод знает, что один из вифлеемских младенцев еще жив, ему не будет покоя, – говорил себе воин. – Всего вероятней, что он попытается облегчить свои мучения тем, что прикажет распять меня на кресте».

Был знойный полдень, и воин ужасно страдал, пробираясь верхом по пустынной, гористой местности, где дорога извивалась в глубоком ущелье, куда не долетало ни малейшего ветерка. И конь, и всадник были готовы упасть без сил.

Воин давно уже потерял всякий след беглецов и совсем пал духом.

Но вдруг он заметил в одной из скал, возвышавшихся близ дороги, сводчатый вход в пещеру. Он остановил коня и подумал: «Отдохну здесь немного. Может быть, с новыми си-

лами я смогу продолжить погоню».

Когда он уже хотел войти в пещеру, его поразило нечто удивительное. По обеим сторонам входа росли два прекрасных куста лилий. Они стояли, высокие и стройные, густо усыпанные цветами, испускавшими сладкий запах меда, и множество пчел носилось и жужжало вокруг них.

Это было такое необыкновенное зрелище, что воин неожиданно для самого себя сорвал один из крупных белых цветов и взял его с собой в пещеру.

Пещера была не глубока и не темна, и, как только он вошел под ее свод, он увидел, что там уже находятся трое путников. Это были мужчина, женщина и ребенок, которые лежали на земле, погрузившись в глубокий сон.

Сердце воина забилося как никогда сильно при этом зрелище. Это были именно те беглецы, которых он так долго преследовал. Он тотчас же узнал их. И вот они лежали и спали, совершенно беззащитные, находясь всецело в его власти.

Быстро выхватил солдат меч из ножен и нагнулся над спящим младенцем.

Осторожно направил он меч в сердечко ребенка, намереваясь покончить с ним одним ударом.

Уже готовясь заколоть его, он остановился на миг, чтобы взглянуть в лицо младенцу. Теперь, когда он был уверен в победе, он захотел доставить себе жестокое наслаждение и посмотреть на свою жертву. Радость его еще усилилась, когда он узнал в ребенке крошечного мальчика, игравшего на

его глазах с пчелами и лилиями на лугу у городских ворот.

«Недаром я всегда ненавидел его, – подумал солдат. – Ведь это князь мира, появление которого предвещали пророки».

Снова опустил он меч, и у него мелькнула мысль: «Когда я положу пред Иродом голову этого ребенка, он сделает меня начальником своих телохранителей».

Все более приближая острие меча к спящему младенцу, он ликовал в душе, говоря себе: «На этот раз никто мне не помешает, никто не вырвет его из моей власти».

Но солдат все еще держал в руке лилию, сорванную им при входе в пещеру, и вдруг из ее венчика вылетела пчела и стала с жужжанием кружиться над его головой.

Воин вздрогнул. Он вспомнил пчел, которых маленький мальчик относил в их родной улей, и ему пришло в голову, что одна из этих пчел помогла мальчику спастись на празднике, устроенном Иродом.

Эта мысль поразила его. Он опустил меч, выпрямился и стоял, прислушиваясь к пчеле.

Ее жужжание наконец прекратилось. Солдат продолжал стоять неподвижно и все сильнее ощущал сладкий аромат, струившийся из лилии, которую он держал в руке.

Этот аромат напомнил ему о цветах, которые мальчик спасал от дождя, и о том, что букет лилий скрыл от его взоров ребенка и дал ему спастись через городские ворота.

Он все больше задумывался и отвел в сторону свой меч.

– Пчелы и лилии отблагодарили мальчика за его благодеяния, – шепнул он сам себе.

Он припомнил, что и ему однажды помог этот ребенок, и густая краска стыда залила его лицо.

– Может ли римский легионер забыть об оказанной ему услуге? – прошептал он.

Некоторое время он еще боролся с собой. Он думал об Ироде и о собственном своем желании уничтожить юного владыку мира.

«Мне не следует убивать этого младенца, спасшего мне жизнь», – решил он наконец.

И он нагнулся и положил свой меч возле ребенка, для того чтобы при пробуждении беглецы поняли, какой опасности им удалось избежать.

В это время ребенок проснулся. Он лежал и смотрел на солдата своими прекрасными очами, сиявшими, как звезды.

И воин преклонил перед ним колени.

– Владыка! – произнес он. – Ты всемогущ. Ты могучий победитель. Ты любимец богов. Ты тот, кто может спокойно попирать змей и скорпионов.

Он поцеловал его ножку и тихо вышел из пещеры.

Мальчик же лежал и смотрел ему вслед большими удивленными глазами.

Э.Т.А. Гофман

Э.Т.А. Гофман
Щелкунчик
и Мышиный король

Щелкунчик и Мышиный король (Перевод А. Соколовского)

Сочельник

Целый день двадцать четвертого декабря детям советника медицины Штальбаума было запрещено входить в гостиную, а также в соседнюю с нею комнату. С наступлением сумерек дети, Мари и Фриц, сидели в темном уголке детской и, по правде сказать, немного боялись окружавшей их темноты, так как в этот день в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц под величайшим секретом рассказал своей маленькой семилетней сестре, что уже с самого утра слышал он в запертых комнатах беготню, шум и тихие разговоры. Он видел также, как с наступлением сумерек ту-

да потихоньку прокрался маленький закутанный человек с ящиком в руках, но что он, впрочем, наверное знает, что это был их крестный Дроссельмейер. Услышав это, маленькая Мари радостно захлопала ручонками и воскликнула:

– Ах, я думаю, что крестный подарит нам что-нибудь очень интересное.

Друг дома советник Дроссельмейер был очень некрасив собой; это был маленький, сухощавый старичок, с множеством морщин на лице; вместо правого глаза был у него наклеплен большой черный пластырь; волос у крестного не было, и он носил маленький белый парик, удивительно хорошо сделанный. Но, несмотря на это, все очень любили крестного за то, что он был великий искусник, и не только умел чинить часы, но даже сам их делал. Когда какие-нибудь из прекрасных часов в доме Штальбаума ломались и не хотели идти, крестный приходил, снимал свой парик и желтый сюртук, надевал синий передник и начинал копать в часах какими-то острыми палочками, так что маленькой Мари даже становилось их жалко. Но крестный знал, что вреда он часам не причинит, а наоборот, – и часы через некоторое время оживали и начинали опять весело ходить, бить и постукивать, так что все окружающие, глядя на них, только радовались. Крестный каждый раз, когда приходил в гости, непременно приносил в кармане какой-нибудь подарок детям: то куколку, которая кланялась и мигала глазками, то коробочку, из которой выскакивала птичка, – словом, что-

нибудь в этом роде. Но к Рождеству приготавливал он всегда какую-нибудь большую, особенно затейливую игрушку, над которой очень долго трудился, так что родители, показав ее детям, потом всегда бережно прятали ее в шкаф.

– Ах, как бы узнать, что смастерит нам на этот раз крестный? – повторила маленькая Мари.

Фриц уверял, что крестный, наверно, подарит в этот раз большую крепость с прекрасными солдатами, которые будут маршировать, обучаться, а потом придут неприятельские солдаты и захотят ее взять, но солдаты в крепости станут храбро защищаться и начнут громко стрелять из пушек.

– Нет, нет, – сказала Мари, – крестный обещал мне сделать большой сад с прудом, на котором будут плавать белые лебеди с золотыми ленточками на шейках и петь песенки, а потом придет к пруду маленькая девочка и станет кормить лебедей конфетами.

– Лебеди конфет не едят, – перебил Фриц, – да и как может крестный сделать целый сад? Да и какой толк нам от его игрушек, если у нас их сейчас же отбирают; то ли дело игрушки, которые дарят папа и мама! Они остаются у нас, и мы можем делать с ними, что хотим.

Тут дети начали рассуждать и придумывать, что бы могли подарить им сегодня. Мари говорила, что любимая ее кукла, мамзель Трудхен, стала с некоторого времени совсем неуклюжей, беспрестанно валится на пол, так что у нее теперь все лицо в противных отметилах, а о чистоте ее платья нечего

было и говорить; как ни выговаривала ей Мари, ничего не помогало. Зато Мари весело припомнила, что мама очень лукаво улыбнулась, когда Мари понравился маленький зонтик у ее подруги Гретхен. Фриц жаловался, что в конюшне его недостает хорошей гнедой лошади, да и вообще у него мало осталось кавалерии, что папе было очень хорошо известно.

Дети отлично понимали, что родители в это время расставляли купленные для них игрушки; знали и то, что сам младенец Христос весело смотрел в эту минуту с облаков на их елку и что нет праздника, который бы приносил детям столько радости, сколько Рождество. Тут вошла в комнату их старшая сестра Луиза и напомнила детям, которые все еще шушукались об ожидаемых подарках, что руку родителей, когда они что-нибудь им дарят, направляет сам Христос и что Он лучше знает, что может доставить им истинную радость и удовольствие, а потому умным детям не следует громко высказывать свои желания, а, напротив, терпеливо дожидаться приготовленных подарков. Маленькая Мари призадумалась над словами сестры, а Фриц не мог все-таки удержаться, чтобы не пробормотать: «А гнедого рысака да гусаров очень бы мне хотелось получить!»

Между тем совершенно стемнело. Мари и Фриц сидели, прижавшись друг к другу, и боялись вымолвить слово, им казалось, что будто над ними веют тихие крылья и издалека доносится прекрасная музыка. По стене скользнула яркая полоса света; дети знали, что это младенец Христос отлетел

на светлых облаках к другим счастливым детям. Вдруг зазвенел серебряный колокольчик: «Динь-динь-динь-динь!» Двери шумно распахнулись, и широкий поток света ворвался из гостиной в комнату, где были Мари и Фриц. Ахнув от восторга, остановились они на пороге, но тут родители подхватили их за руки и повели вперед со словами:

– Ну, детки, пойдёте посмотреть, чем одарил вас младенец Христос!

Подарки

Обращаюсь к тебе, мой маленький читатель или слушатель, – Фриц, Теодор, Эрнст, все равно, как бы тебя ни звали, – и прошу припомнить, с каким удовольствием останавливался ты перед рождественским столом, заваленным прекрасными подарками, – и тогда ты хорошо поймешь радость Мари и Фрица, когда они увидели подарки и ярко сиявшую елку! Мари только воскликнула:

– Ах, как хорошо! Как чудно!

А Фриц начал прыгать и скакать, как козленок. Должно быть, дети очень хорошо себя вели весь этот год, потому что еще ни разу не было им подарено так много прекрасных игрушек.

Золотые и серебряные яблочки, конфеты, обсахаренный миндаль и великое множество разных лакомств унизывали ветви стоявшей посередине елки. Но всего лучше и красивее

горели между ветвями маленькие свечи, точно разноцветные звездочки, и, казалось, приглашали детей скорее полакомиться висевшими на ней цветами и плодами. А какие прекрасные подарки были разложены под елкой – трудно и описать! Для Мари были приготовлены нарядные куколки, ящички с полным кукольным хозяйством, но больше всего ее обрадовало шелковое платьице с бантами из разноцветных лент, висевшее на одной из ветвей, так что Мари могла любоваться им со всех сторон.

– Ах, мое милое платьице! – в восторге воскликнула Мари. – Ведь оно точно мое? Ведь я его на-дену?

Фриц между тем уже успел трижды обскákat вокруг елки на своей новой лошади, которую он нашел привязанной к столу за поводья. Слезая, он потрепал ее по холке и сказал, что конь – лютый зверь, ну да ничего: уж он его вышколит! Потом он занялся эскадроном новых гусар в ярко красных, с золотом мундирах, которые размахивали серебряными сабелями и сидели на таких чудесных белоснежных конях, что можно было подумать, что и кони были сделаны из чистого серебра.

Успокоившись немного, дети хотели взяться за рассматривание книжек с картинками, которые лежали тут же, и где были нарисованы ярко раскрашенные люди и прекрасные цветы, а также милые играющие детки, так натурально изображенные, что, казалось, они были живые и в самом деле играли и бегали. Но едва дети принялись за картинки,

как вдруг опять зазвенел колокольчик. Они знали, что это, значит, пришел черед подаркам крестного Дроссельмейера, и они с любопытством подбежали к стоявшему возле стены столу. Ширмы, закрывавшие стол, раздвинулись, – и что же увидели дети! На свежем, зеленом, усеянном множеством цветов лугу стоял маленький замок с зеркальными окнами и золотыми башенками. Вдруг послышалась музыка, двери и окна замка отворились, и через них можно было увидеть, как множество маленьких кавалеров с перьями на шляпах и дам в платьях со шлейфами гуляли по залам. В центральном зале, ярко освещенном множеством маленьких свечек в серебряных канделябрах, танцевали дети в коротких камзолчиках и платьицах. Какой-то маленький господин, очень похожий на крестного Дроссельмейера, в зеленом плаще изумрудного цвета, беспрестанно выглядывал из окна замка и опять исчезал, выходил из дверей и снова прятался. Только ростом этот крестный был не больше папиного мизинца. Фриц, облокотясь на стол руками, долго рассматривал чудесный замок с танцующими фигурками, а потом сказал:

– Крестный, крестный! Позволь мне войти в этот замок!

Крестный объяснил ему, что этого никак нельзя, и он был прав, потому что глупенький Фриц не подумал, как же можно было ему войти в замок, который со всеми его золотыми башенками был гораздо ниже его ростом. Фриц это понял и замолчал.

Посмотрев еще некоторое время, как куколки гуляли и

танцевали в замке, как зеленый человечек все выглядывал в окошко и высовывался из дверей, Фриц сказал с нетерпением:

– Крестный, сделай, чтобы этот зеленый человечек выглянул из других дверей!

– Этого тоже нельзя, мой милый Фриц, – возразил крестный.

– Ну так вели ему, – продолжал Фриц, – гулять и танцевать с прочими, а не высовываться.

– И этого нельзя, – был ответ.

– Ну так пусть дети, которые танцуют, сойдут вниз; я хочу их рассмотреть поближе.

– Ничего этого нельзя, – ответил немного обиженный крестный, – в механизме все сделано раз и навсегда.

– Во-о-т как, – протяжно сказал Фриц. – Ну, если твои фигурки в замке умеют делать только одно и то же, так мне их не надо! Мои гусары лучше! Они умеют ездить вперед и назад, как я захочу, а не заперты в доме.

С этими словами Фриц в два прыжка очутился возле своего столика с подарками и мигом заставил свой эскадрон на серебряных лошадях скакать, стрелять, маршировать, словом, делать все, что только приходило ему в голову. Мари также потихоньку отошла от подарка крестного, потому что и ей, по правде сказать, немного наскучило смотреть, как куколки выделявали все одно и то же; она только не хотела показать этого так явно, как Фриц, чтобы не огорчить крестно-

го. Советник, видя это, не мог удержаться, чтобы не сказать родителям недовольным тоном:

– Такая замысловатая игрушка не для неразумных детей. Я заберу свой замок!

Но мать остановила крестного и просила показать ей искусный механизм, с помощью которого двигались куколки. Советник разобрал игрушку, с удовольствием все показал и собрал снова, после чего он опять повеселел и подарил детям еще несколько человечков с золотыми головками, ручками и ножками из вкусного, душистого пряничного теста. Фриц и Мари очень были им рады. Старшая сестра Луиза, по желанию матери, надела новое подаренное ей платье и стала в нем такой нарядной и хорошенькой, что и Мари, глядя на нее, захотелось непременно надеть свое, в котором, ей казалось, она будет еще лучше. Ей это охотно позволили.

Любимец

Мари никак не могла расстаться со своим столиком, находя на нем все время новые вещицы. А когда Фриц взял своих гусаров и стал делать под елкой парад, Маша увидела, что за гусарами скромно стоял маленький человечек-куполка, точно дожидаясь, когда очередь дойдет до него. Правда, он был не очень складный: невысокого роста, с большим животом, маленькими тонкими ножками и огромной головой. Но человечек был очень мило и со вкусом одет, что доказывало,

что он был умный и благовоспитанный молодой человек. На нем была лиловая гусарская курточка с множеством пуговиц и шнурков, такие же рейтузы и высокие лакированные сапоги, точь-в-точь такие, как носят студенты и офицеры. Они так ловко сидели на его ногах, что, казалось, были выточены вместе с ними. Только вот немножко нелепо выглядел при таком костюме прицепленный к спине деревянный плащ и надетая на голову шапчонка рудокопа. Но Мари знала, что крестный Дроссельмейер носил такой же плащ и такую же смешную шапочку, что вовсе не мешало ему быть милым и добрым крестным. Мари отметила про себя также то, что во всей прочей своей одежде крестный никогда не бывал одет так чисто и опрятно, как этот деревянный человечек. Рассмотрев его поближе, Мари сейчас же увидела, какое добродушие светилось на его лице, и не могла не полюбить его с первого взгляда. В его светлых зеленых глазах сияли приветливость и дружелюбие. Подбородок человечка окаймляла белая завитая борода из бумажной штопки, что делало еще милее улыбку его больших красных губ.

– Ах, – воскликнула Мари, – кому, милый папа, подарили вы этого хорошенького человечка, что стоит там за елкой?

– Это вам всем, милые дети, – отвечал папа, – и тебе, и Луизе, и Фрицу; он будет для всех вас щелкать орехи.

С этими словами папа взял человечка со стола, приподнял его деревянный плащ, и дети вдруг увидели, что человечек широко разинул рот, показав два ряда острых, белых зубов.

Мари положила ему в рот орех; человечек вдруг сделал – щелк! – и скорлупки упали на пол, а в руку Маши скатилось белое, вкусное ядрышко. Папа объяснил детям, что куколка эта зовется Щелкунчик. Мари была в восторге.

– Ну, Мари, – сказал папа, – так как Щелкунчик очень тебе понравился, то я дарю его тебе; береги его и защищай; хотя, впрочем, в его обязанность входит щелкать орехи и для Фрица с Луизой.

Мари тотчас же взяла Щелкунчика на руки и заставила его щелкать орехи, выбирая самые маленькие, чтобы у Щелкунчика не испортились зубы.

Луиза подсела к ней, и добрый Щелкунчик стал щелкать орехи для них обеих, что, кажется, ему самому доставляло большое удовольствие, если судить по улыбке, не сходявшей с его губ.

Между тем Фриц, порядочно устав от верховой езды и обучения своих гусар, а также услышав, как весело щелкались орехи, подбежал к сестрам и от всей души расхохотался, увидев маленькую уродливую фигуру Щелкунчика, который переходил из рук в руки и успевал щелкать орехи решительно для всех. Фриц стал выбирать самые большие орехи и так неосторожно заталкивал их Щелкунчику в рот, что вдруг раздалось – крак-крак! – и три белых зуба Щелкунчика упали на пол, да и челюсть, сломавшись, свесилась на одну сторону.

– Ах, мой бедный Щелкунчик! – заплакала Мари, отобрав

его у Фрица.

– Э, да какой он глупый! – закричал Фриц. – Хочет щелкать орехи, а у самого нет крепких зубов! На что же он годен? Давай его мне, я заставлю его щелкать, пока у него не выпадут последние зубы и не отвалится совсем подбородок!

– Нет, нет, оставь, – со слезами сказала Мари, – я тебе не дам моего милого Щелкунчика, посмотри, как он на меня жалобно смотрит и показывает свой больной ротик! Ты злой мальчик: ты бьешь своих лошадей и стреляешь в своих солдат.

– Потому что так надо, – возразил Фриц, – и ты в этом ничего не смыслишь; а Щелкунчика все-таки дай мне; его подарили нам обоим!

Тут Мари уже совсем горько расплакалась и поскорее завернула Щелкунчика в свой платок. В это время подошли их родители с крестным. Крестный, к величайшему горю Мари, вступился за Фрица, но папа сказал:

– Я поручил Щелкунчика беречь Мари, а так как он теперь болен и больше всего нуждается в ее заботах, то никто не имеет права его отнимать. А ты, Фриц, разве не знаешь, что раненых солдат никогда не оставляют в строю? Ты, как хороший военный, должен это понимать!

Фриц очень сконфузился и потихоньку, позабыв и Щелкунчика, и орехи, отошел на другой конец комнаты, где и занялся устройством ночлега для своих гусар, закончивших на сегодня службу. Мари между тем собрала выпавшие у

Щелкунчика зубы, подвязала его подбородок чистым белым платком, вынутым из своего кармана, и еще осторожнее, чем прежде, завернула бледного перепуганного человечка в теплое одеяло. Взяв его затем на руки, как маленького больного ребенка, она занялась рассматриванием картинок в новой книге, лежавшей тут же, между прочими подарками. Мари очень не понравилось, когда крестный стал смеяться над тем, что она так нянчится со своим уродцем. Вспомнив, что при первом взгляде на Щелкунчика ей показалось, что он очень похож на самого крестного Дроссельмейера, Мари не могла удержаться, чтобы не ответить ему на его насмешки:

– Как знать, крестный, был бы ты таким красивым, как Щелкунчик, если бы тебя пришлось даже одеть точно так, как его, в чистое платье и щегольские сапожки.

Родители громко засмеялись, а крестный, напротив, замолчал. Мари никак не могла понять, отчего у крестного вдруг так покраснел нос, но уж, верно, была какая-нибудь на то своя причина.

Чудеса

В одной из комнат квартиры советника медицины, как раз со стороны входа и налево, у широкой стены, стоял большой шкаф со стеклянными дверцами, в котором прятались игрушки, подаренные детям. Луиза была еще очень маленькой девочкой, когда ее папа заказал этот шкаф одному искусно-

му столяру, который вставил в него такие чистые стекла и вообще так хорошо все устроил, что стоявшие в шкафу вещи казались еще лучше, чем когда их держали в руках. На верхней полке, до которой Фриц и Мари не могли дотянуться, стояли самые дорогие и красивые игрушки, сделанные крестным Дроссельмейером. На полке под ней были расставлены всякие книжки с картинками, а на две нижние Мари и Фриц могли ставить все, что хотели. На самой нижней Мари обычно устраивала комнатки для своих кукол, а на верхней Фриц расквартировывал своих солдат. Так и сегодня Фриц поставил наверх своих гусар, а Мари, отложив в сторону старую куклу Трудхен, устроила премиленькую комнатку для новой подаренной ей куколки и пришла сама к ней на новоселье. Комнатка была так мило меблирована, что я даже не знаю, был ли у тебя, моя маленькая читательница Мари (ведь ты знаешь, что маленькую Штальбаум звали также Мари), – итак, я не знаю, был ли даже у тебя такой прекрасный диванчик, такие прелестные стульчики, такой чайный столик, а главное, такая мягкая, чистая кровать, на которой легла спать куколка Мари. Все это стояло в углу шкафа, стены которого были увешаны прекрасными картинками, и можно было себе представить, с каким удовольствием поселилась тут новая куколка, названная Мари Клерхен.

Между тем наступил поздний вечер; стрелка часов показывала двенадцатый; крестный Дроссель-мейер давно ушел домой, а дети все еще не могли расстаться со стеклянным

шкафом, так что матери пришлось им напомнить, что пора идти спать.

– Правда, правда, – сказал Фриц, – надо дать покой моим гусарам, а то ведь ни один из этих бедняг не посмеет лечь, пока я тут, я это знаю хорошо.

С этими словами он ушел. Мари же упрашивала маму позволить ей остаться еще хоть одну минутку, говоря, что ей еще надо успеть закончить свои дела, а потом она сейчас же пойдет спать. Мари была очень разумная и послушная девочка, а потому мама могла, нисколько не боясь, оставить ее одну с игрушками. Но для того, чтобы она, занявшись новыми куклами и игрушками, не забыла погасить свет, мама сама задула все свечи, оставив гореть одну лампу, висевшую в комнате и освещавшую ее бледным, мерцающим полусветом.

– Приходи же скорей, Мари, – сказала мама, уходя в свою комнату, – если ты поздно ляжешь, завтра тебе трудно будет вставать.

Оставшись одна, Мари поспешила заняться делом, которое ее очень тревожило, и для чего именно она и просила позволить ей остаться. Больной Щелкунчик все еще был у нее на руках, завернутый в ее носовой платок. Положив бедняжку осторожно на стол и бережно развернув платок, Мари стала осматривать его раны. Щелкунчик был очень бледен, но при этом он, казалось, так ласково улыбался Мари, что тронул ее до глубины души.

– Ах, мой милый Щелкунчик! – сказала она. – Ты не сердись на брата Фрица за то, что он тебя ранил; Фриц немного огрубел от суровой солдатской службы, и все же он очень добрый мальчик, я тебя уверяю. Теперь я буду за тобой ухаживать, пока ты не выздоровеешь совсем. Крестный Дроссельмейер вставит тебе твои зубы и поправит плечо; он на такие штуки мастер...

Но как же удивилась и испугалась Мари, когда увидела, что при имени Дроссельмейера Щелкунчик вдруг скривил лицо и в глазах его мелькнули колючие зеленые огоньки. Не успела Мари хорошенько прийти в себя, как увидела, что лицо Щелкунчика уже опять приняло свое доброе, ласковое выражение.

– Ах, какая же я глупенькая девочка, что так испугалась! Разве может корчить гримасы деревянная куколка? Но я все-таки люблю Щелкунчика за то, что он такой добрый, хотя и смешной, и буду за ним ухаживать как следует.

Тут Мари взяла бедняжку на руки, подошла с ним к шкафу и сказала своей новой кукле:

– Будь умницей, Клерхен, уступи свою постель бедному больному Щелкунчику, а тебя я уложу на диван; ведь ты здорова; посмотри, какие у тебя красные щеки, да и не у всякой куклы есть такой прекрасный диван.

Клерхен, сидя в своем великолепном платье, как показалось Мари, надула при ее предложении немножко губки.

– И чего я церемонюсь! – сказала Мари и, взяв кроватку,

уложила на нее своего больного друга, перевязав ему раненое плечо ленточкой, снятой с собственного платья, и прикрыла одеялом до самого носа.

«Незачем ему оставаться с недоброй Клерхен», – подумала Мари и кровать вместе с лежавшим на ней Щелкунчиком переставила на верхнюю полку, как раз возле красивой деревни, где квартировали гусары Фрица. Сделав это, она заперла шкаф и хотела идти спать, но тут – слушайте внимательно, дети! – тут за печкой, за стульями, за шкафами – словом, всюду вдруг послышались тихий, тихий шорох, беготня и царапанье. Стенные часы захрипели, но так и не смогли пробить. Мари заметила, что сидевшая на них большая золотая сова распустила крылья, накрыла ими часы и, вытянув вперед свою гадкую, кошачью голову с горбатым носом, забормотала хриплым голосом:

– Хррр...р! Часики идите! – тише, тише не шумите! – король мышиный к вам идет! – войско свое ведет! – хрр...р – хрр-р! бим-бом! – бейте, часики, бим-бом!

И затем, мерно и ровно, часы пробили двенадцать. Мари стало вдруг так страшно, что она только и думала, как бы убежать, но вдруг, взглянув еще раз на часы, увидела, что на них сидела уже не сова, а сам крестный Дроссельмейер и, распустив руками полы своего желтого кафтана, махал ими, точно сова крыльями. Тут Мари не выдержала и закричала в слезах:

– Крестный! Крестный! Что ты там делаешь? Не пугай ме-

ня! Сойди вниз, гадкий крестный!

Но тут шорох и беготня поднялись уже со всех сторон, точно тысячи маленьких лапок забегали по полу, а из щелей, под карнизами, выглянули множество блестящих, маленьких огоньков. Но это были не огоньки, а, напротив, крошечные сверкавшие глазки, и Мари увидела, что в комнату со всех сторон повалили мыши. Трот-трот! Хлоп-хлоп! – так и раздавалось по комнате.

Мыши толкались, суетились, бегали целыми толпами, и наконец, к величайшему изумлению Мари, начали становиться в правильные ряды в таком же порядке, в каком Фриц расставлял своих солдат, когда они готовились к сражению. Мари это показалось очень забавным, потому что она вообще не боялась мышей, как это делают иные дети, и прежний страх ее уже начал было проходить совсем, как вдруг раздался резкий и громкий писк, от которого холод пробежал у Мари по жилам. Ах! Что она увидела! Нет, любезный читатель Фриц! Хотя я и уверен, что у тебя, так же как и у храброго Фрица Штальбаума, мужественное сердце, все же, если бы ты увидел, что увидела Мари, то, наверно, убежал бы со всех ног, прыгнул в свою постель и зарылся с головой в одеяло. Но бедная Мари не могла сделать даже этого! Вы только послушайте, дети! Как раз возле нее из большой щели в полу вдруг вылетело несколько кусочков известки, песка и камешков, словно от подземного толчка, и вслед за тем выглянуло целых семь мышиных голов с золотыми корона-

ми, и – представьте – все эти семь голов сидели на одном туловище! Большая семиголовая мышь с золотыми коронами выбралась наконец из щели вся и сразу же поскакала вокруг выстроившегося мышинового войска, которое встречало ее с громким, торжественным писком, после чего все воинство двинулось к шкафу, как раз туда, где стояла Мари. Мари и так уже была очень напугана – сердечко ее почти готово было выпрыгнуть из груди, и она ежеминутно думала, что вот-вот сейчас умрет, но тут Мари совсем растерялась и почувствовала, что кровь стынет в ее жилах. Невольно попятилась она к шкафу, но вдруг раздалось: клик-клак-хрр!.. – и стекло в шкафу, которое она нечаянно толкнула локтем, разлетелось вдребезги. Мари почувствовала сильную боль в левой руке, но вместе с тем у нее сразу отлегло от сердца: она не слышала больше ужасного визга, так что Мари, хотя и не могла увидеть, что делалось на полу, но предположила, что мыши испугались шума разбитого стекла и спрятались в свои норы.

Но что же это опять? В шкафу, за спиной Мари, поднялась новая возня. Множество тоненьких голосов явственно кричали:

– В бой, в бой! Бей тревогу! Ночью в бой, ночью в бой! Бей тревогу!

И вместе с этим раздался удивительно приятный звон мелодичных колокольчиков.

– Ах, это колокольчики в игрушке крестного, – радостно воскликнула Мари и, обернувшись к шкафу, увидела, что

внутренность его была освещена каким-то странным светом, а игрушки шевелились и двигались как живые. Куклы стали беспорядочно бегать, размахивая руками, а Щелкунчик вдруг поднялся с постели, сбросив с себя одеяло, и закричал во всю мочь: «Крак, крак! Мышиный король дурак! Крак, крак! Дурак! Дурак!»

При этом он размахивал по воздуху своей шпагой и продолжал кричать:

– Эй вы, друзья, братья, вассалы! Постоите ли вы за меня в тяжком бою?

Тут подбежали к нему три паяца, Полишинель, трубочист, два тирольца с гитарами, барабанщик и хором воскликнули:

– Да, принц! Клянемся тебе в верности! Веди нас на смерть или победу!

С этими словами они все, вместе с Щелкунчиком, прыгнули с верхней полки шкафа на пол комнаты. Но им-то было хорошо! На них были толстые шелковые платья, а сами они были набиты ватой и опилками и упали на пол, как мешочки с шерстью, несколько не ушибившись, а каково было прыгнуть, почти на два фута вниз, бедному Щелкунчику, сделанному из дерева? Бедняга, наверно, переломал бы себе руки и ноги, если бы в ту самую минуту, как он прыгал, кукла Клерхен, быстро вскочив со своего дивана, не приняла героя с обнаженным мечом в свои нежные объятия.

– Ах, моя милая, добрая Клерхен! – воскликнула Мари. – Как я тебя обидела, подумав, что ты неохотно уступила свою

постель Щелкунчику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.